

Ниже преступника, выше пророка

По дороге к скамье подсудимых он дважды споткнулся на ровном месте.

Лампы дневного света гудели даже сквозь шум битком набитого зала — и светили блекло, медленно набираясь отваги раскалиться добела. Данил сразу отыскал в толпе гособвинителя: почти лысого, усатого, с мясистым лицом. Встретившись с парнем взглядом, тот поднял брови и передернул плечами.

Мол, нечего пялиться.

Мол, ты мне отвратителен.

Мол, пора нам всем переходить к делу.

И точно — Данил еще не опустился на скамью, как раздался деревянный стук. Тот словно пришел из воздуха, из промежутков меж тел и лиц. От волнения, обилия звуков, красок — люди казались цветными пятнами. Когда воцарилась тишина, оказалось, что все уже сели, а он один, как идиот, стоит: таращится на парик судьи сквозь решетку.

— ...айским районным судом города Чернодольск рассматривается заявление, — судья говорила глухо, уткнувшись в микрофон, — согласно триста шестьдесят второй статье кодекса об административных правонарушениях. На судебное заседание явились со стороны обвинения...

Зачем он подмечает мелочи, какое ему дело, что воротничок мантии врезался в слишком крепкую шею судьи Корольковой? Когда та раскрывала рот, мелькали белые зубы, а за ними темнота, ночь — но это не имеет значения. Два-три часа — и его засудят, хоть он и не сделал ничего, слышите?

— ...и назначенный защитник, Ракова Валентина Львовна. Доверенность постоянная, копия приложена к делу.

Парень не повернул головы, когда муниципальный адвокат поднялась с места. Рядом, рукой подать — а все-таки за прутьями.

Временами он, верно, проваливался в себя, потому что следующим услышал:

— ...протокол о задержании, отметка есть о получении. — А это уже гособвинитель, усы у него топорщились, как кошачьи. — Мне передать вам или все-таки зачитывать?

— Обязательно зачитывать!

— Здесь очень много, и, если позволите, я фрагментарно...

— Нет, зачитывайте все.

Порой он не очень-то понимал, где находится.

— ...паспорт выдан ОВД города Чернодольска третьего сентября две тысячи двадцать второго года. Иные данные о личности подозреваемого: нет. Протокол составлен дежурным нарядом полиции. Основания для задержания: нарушение общественного порядка путем несанкционированного полета над городом без применения транспортных средств.

— То есть вы обвиняете ответчика в нарушении законов гравитации? — судья смотрела не на обвинителя, а прямо на парня, через весь зал.

— Да, и их тоже! И это минимум, — с вызовом ответил прокурор. — Подозреваемый, далее следует подпись, Даниил Болотов.

Парень скорее угадал свое имя, чем услышал. Слова потонули в гуле голосов. Чему они удивляются, о чем шумят? Говорят, летающего человека показывали даже по ТВ, рубрика «Я — корреспондент», все видели. Тоже мне, новость!

Но он же ничего не сделал! Он даже летал — и то не специально. Просто задумался. Верите? Да нет, конечно же, не верите...

Он поднимался вверх: мимо слоев кирпичной кладки, чуть выше крыш стеклянных небоскребов в центре. Взмыв к небу, он наконец очнулся — и едва не упал от парализовавшего Данила ужаса. Пожалуй, спас его свет, слепящее солнце. Оно-то и отвлекло. Здесь было очень светло и очень, очень ветрено. И повсюду, куда достигал взгляд, изгибался горизонт.

Не самое приятное зрелище, уж поверьте! Он по-прежнему оставался обычным, угловатым, длинным и неловким в движениях парнем. Небо над головой и вокруг него — не меняло ничего из этого списка.

Так что же, он... летит? парит? как правильно назвать?

Внизу проплывали крыши пятиэтажек, зелень во дворах, так много зелени! Снизу этого не видно, ствол и ствол, в кои-то веки тень, а сверху-то — весь город утопает в кронах. Зеленые равнины, квадратные утесы высоток, они проплывали мимо и под ним, но Данил их почти не замечал. Что-то навроде счастья вдруг набухло в груди, встало комком в горле.

...Но нет — вообще-то, он вовсе не собирался летать. По правде, он даже не знал, как это повторить.

— Уважаемый суд, я в целом поддерживаю доводы обвинения, но хочу в свою очередь заявить следующее. По факту нарушения общественного порядка, — говорила адвокат Ракова. — Вы знаете, это произошло в публичном месте, в присутствии детей. Да, это нехорошо, это утяжеляет проступок молодого человека. Но причем тут гравитация? Суд не может заниматься гравитацией. Это физика, суд эти вопросы не рассматривает, научные. А рассматривает только вопрос нарушения конкретных законов. Покушение на законы природы не может являться делом для суда!

Ну вот, и она тоже плетет что-то не то. Судья тут же заметила:

— Уважаемый защитник, вы ближе к делу, а то вы какие-то новые факты заявляете, про несовершеннолетних... Что, были жалобы? А если были, то почему их тогда не приобщили к делу?

— Очень хорошо, что поддерживаете! — вмешался вдруг прокурор. — Ваш предыдущий ответ мне понятен. Хорошо! То есть, нет. Но ладно, я с вами согласен. Я вообще-то не о физике веду речь. Физика — Бог с нею. С этим пусть университеты разбираются. Но покушение, как вы верно выразились, на законы не то что государства, а самой природы — это ведь одновременно и покушение на устои государства, как они есть. Вот у меня на руках экспертное заключение Центра физико-политических исследований, где указано, что наше государство, как и остальные, впрочем, может существовать только при определенных значениях физических констант, которые... Гм. Скажу просто: констант.

Ворчание, говорки, беспокойное ерзанье. Похоже, что зал понял, к чему клонит обвинение.

Парень вдруг почувствовал себя усохшим и бессильным, точно всеми забытый пенсионер. Он — ничто. Презрение прокурора, непонятные обвинения сделали то, чего не смогла фантазмагория последних дней: он вдруг и вправду ощутил себя виновным. Благодаря двум недоумкам с телефоном кадры разошлись повсюду. Теперь его имя и лицо известны всем. Все знают, что это он — тот, кто летал над Чернодольском.

Судья, обвинитель, адвокат — они все бубнили: «Заключение экспертной комиссии имеется в деле», «По дополнительным искам нужно другое заседание», «У нас есть официальные документы».

Он не смотрел на лица — смотрел в окна. К вечеру небо как будто стало зеленоватым, с него сыпался медленный редкий дождь. Каждое окно — врата во флуоресцентный потусторонний мир.

Когда он поднял голову, зал был размыт по краям. Вечер оказался длинным, а битва безжалостной: параграфы, статьи, заявление РЭС о том, что полеты ставят под угрозу провода высокого напряжения. В конце концов, все аргументы полегли, лишь судья, адвокат и обвинитель остались в строю. Кто-то поставил рядом с ним пластиковую бутылку с водой. Данил очень долго смотрел на нее. По правде, его действительно мучила жажда, но он не мог пошевелиться.

Мог только пялиться на бутылку, а потом перестал видеть и ее тоже.

Как же так получилось?

Глухая стена с маркой штукатуркой, койка, забранное решеткой окно: света через него проникало не больше, чем сквозь плотные шторы.

И три соседа по камере.

По правде, когда его сюда только привезли, Данила хорошенько избили. Шестеро. Черт знает, за что! Наверно, слишком громко возмущался. Они знали, как бить, не оставляя следов: резиновые дубинки, скрученное мокрое полотенце с чем-то тяжелым внутри, по почкам, по плечам, по затылку... Он потерял ощущение времени, но пара пощечин привела его в чувство. Толстые пальцы нащупали крестик и обмотали шнурок вокруг горла, не давая дышать.

Шея горела — а брыластый полицейский все говорил и говорил, брызгая в лицо слюной: плевать на газеты! тут закон я! и не таких...

Что таких? Парень не помнил.

А может, все это длилось не больше минуты.

Наконец, его отпустили. Вернее — втолкнули в камеру. Данил просто опустился на пол, привалившись спиной к стене у косяка. Ребра и поясница ныли.

Я ни в чем не виноват, повторял он.

Эти слова помогли выдержать пять дней до суда.

Я ни в чем не виноват.

Данил говорил это себе по утрам и перед сном, а временами принимался твердить как мантру, сходя с ума от скуки в четырех стенах.

«Я ни в чем не виноват», — сказал он и в тот самый вечер, когда его вернули в камеру.

— Ну чего там?

Михаил — «давай-ка просто Миша» — на самом деле ни черта не интересовался, чем кончился суд. Да все они друг друга не интересовали: Данил не знал, кто и за что здесь оказался, и его ни о чем не спрашивали. Наверное, в таких местах вообще не принято задавать вопросы?

И парень тоже не желал ничего знать.

О бомжеватом Георгии или Григории, со спутанной бородой, от которого до сих пор несло мочой и рвотой.

О крепко сбитом украинце Игоре, который едва вставал — сразу заполнял камеру почти целиком. Быковатый Игорек презирал его с первого взгляда: за вежливость, растерянность и за хорошую одежду — а Данил в свою очередь понимал, что ведет себя не по-пацански. Пока презрение Игорька берегло парня, тот просто не желал мараться.

И еще был «просто Миша». Отчего-то Данил сразу понял: этот — самый опасный из всех. За что тут мог очутиться бомж? А Игорек? — ну хулиганство, ну пьяная драка, может, он даже кого-то покалечил ненароком. Убийцей Игорек не был.

«Просто Миша» выглядел добродушным жилистым мужичком лет сорока, все руки в наколках с крестами, куполами и надписями «Спаси и сохрани» — и Данилу не хотелось даже думать, какая за Мишей тянется история.

— Ну так что?

Данил понял, что «завис» под добрым взглядом поверх очков.

— Ничего. Буквально ничего.

— Двушка? Трешка? И когда по этапу?

Парень плюхнулся на койку и уже начал стаскивать кроссовки, когда до него дошел смысл вопроса.

— Что? А, да не этапируют никуда! Черт. Бедлам, просто бедлам! Сначала журналисты подняли ор, потом судья рассорилась с прокурором, все они чего-то хотят друг от друга, но, хоть убей — я не пойму, чего. Прокурор требовал двести семьдесят пятую статью, но так ничего и не решили.

— Двести семьдесят пятую? — Миша, кажется, скривился.

— Это же административное нарушение! Хулиганство. Штраф должен быть и все. Оказалось, есть жалоба из РЭС, что из-за меня повреждены какие-то провода, без света остался микрорайон. Или только мог остаться, черт знает — я не помню даже, вот веришь? Но этого

же не было ничего, я никому вреда не принес! Вообще никому и никогда. И не было никаких проводов.

— Ну а они чего?

— Да ничего. В общем, до приговора не дошли. Перенесли. «В связи с открывшимися обстоятельствами».

— Ну вот и славно, — даже голос у «просто Миши» был как у доброго дядюшки, но равнодушный взгляд уже вернулся к заковыристым судоку.

— Как будто что хорошее...

Парень завалился на койку и проворчал в потолок, однако Миша снова сдвинул очки на кончик носа.

— А что плохого? Ну?

— Все равно засудят.

— Засудят всех, сынок. И тебя, и меня, и вон Игоря нашего Сэр-ги-йовыча, — Игорек со своей койки хмуро глядел то на одного, то на другого. — Ты бы, пока в СИЗО, а не в колонии, сиди и радуйся.

Конечно, нужно было смолчать. Нужно было. Но Данил не мог заставить себя просто отвернуться к стенке, не после суда.

— Чему? Что я тут сижу? Что меня показывают везде как преступника?

Голос у «просто Миши» стал прямо-таки золотым.

— А жизнь, сынок, она всегда засуживает. И рушится. Ну не в СИЗО, так по-другому. Как-нибудь. Ты того, давай молись, чтоб по двести семьдесят пятой не пустили. Тогда и двушкой не отделаешься.

— Но я не виноват!

Глаза у Миши превратились в две точки, и тот вдруг стал не таким уж и добрым. Мужичок сел на койке и спустил на пол ноги в растянутых носках.

— А это плохо, сынок. Вот как хочешь — а очень плохо. Нельзя так. Ты просто покайся и больше так не делай, — Данил зажмурился, но Миша продолжал говорить: — Бог не фраер. Как там?.. Царства Божьего не наследуют. Летающий человек. Идолослужительство это, поклонство. Я бы на месте судьи за один полет даже трешку вписал, чтобы ты высидел, хорошо высидел, может, вышел по УДО и с того дня — все! Без этих фокусов. Как все жил, никому в нос не тыкал, что я вот он тут, вот-те нате, а вы там внизу копошитесь.

«Ты сам-то — много каялся?» — хотелось спросить парню. И это человек, который тоже в СИЗО, и на зону гулял не единожды. Потом он вдруг сообразил: они знают. Черт! Они все знают. И о «преступлении» его, и лицо видели по ТВ. Потому и не задавали вопросов.

— Но я правда не виноват! Это же... к черту справедливость, но это глупо! Разве меня не должны исследовать ученые? Или разведки? Как много людей вдруг взяли и полетели? Я еще понял бы, если б мою жизнь превратили в ад, сделали подопытным кроликом, если б — черт знает! — да хоть били электрошокером и заставляли повторить.

Данил заметил, что почти кричит, и закончил упавшим голосом:

— Но это же — глупо, глупо, глупо! Процесс из Кафки. Грефневой.

— А ты покай... — начал Миша, когда Игорек вдруг поднялся. Как и всегда, он пересек разделявшее койки пространство в два шага.

— А ты, мля, найрозумниший, да? Тэбэ, сопляка, люди жизни вчат, а ты им що: не виноват, идить вси нах?

Рука, опустившаяся на плечо Данилу, была тяжелой, как камень, и от нее исходил жар.

Парень вскочил.

— А тебе какое дело?

— Да мне пох, летал ты чы нет!

Против света Игорь казался вросшей в пол глыбой. Глаза под тяжелыми бровями — две смоляных дыры.

Пару мгновений они сверлили друг друга взглядами. Может, бычара-Игорек и скрутит его в два счета — это они оба знали — по крайней мере, он встретит эту драку стоя.

Григорий или Георгий, надрывно храпевший в потолок, демонстративно отвернулся к стенке. «Просто Миша» смотрел на парня печальным взглядом — в котором, впрочем, не было и следа участия: если так надо, что ж, жизнь и должна учить.

Больше Данил ничего не успел увидеть, потому что сокамерник ударил.

Боль наискось прошила череп, от виска, и парень упал. В глазах плясали цветные искры. Следом посыпались другие удары, по ребрам, в голову, в пах и иногда по ногам — это когда Игорек промахивался.

Сокамерник рычал.

Потом Данил перестал даже пробовать встать и ответить — под градом пинков он просто сгруппировался, хватая ртом воздух. Спустя еще дюжину ударов он уже не понимал, где находится. Что происходит? Остались абстрактные вспышки боли и терпение. Желудок и пищевод сжимались, выталкивая скудный завтрак: гречку, бородинский и чай. Из носа и изо рта вместо крови сочилась кислота.

Кончилось? Или еще нет? Время иссякло. Слова, которые он не понимал. Голоса — далеко, так далеко.

Наконец-то он остался один, без надоедливых сокамерников, все как он хотел. Вернее — почти один.

Он и еще боль.

С ним происходило что-то неладное, ей Богу!

Он не узнавал знакомого зала, знакомых лиц. Из ламп дневного света гудела едва ли треть, прочие оставались немые и темные. От влаги — снаружи опять шел дождь, и у половины зрителей промокли одежда и волосы — от влаги в помещении стоял густой тяжелый запах прели. У Данила даже закружилась голова.

Вот в прошлое заседание кто-то поставил рядом бутылку воды. Но парень мог поклясться, что никто не отпирал решетку! Не приближался. Ну да, порой он уходил в себя, было дело. Иногда казалось, что лица защитницы, судьи и обвинителя как будто трескаются, он мог долго разглядывать паутину щелей, трещин и сколов — но это оттого как раз, что никто к нему не обращался. От скуки. Данил был никому не интересен.

Никто не подошел и точно не отпирал клетку. Уж он бы заметил! Тогда откуда взялась треклятая бутылка?

— Сторона обвинения, ваше слово?

— Ваша честь, — прокурор привстал с места, его кошачьи усы шевелились. — Мы только за привлечение специалиста в качестве официального эксперта!

Но все-таки — что с ним творится? Он словно проваливался. Порой, когда кто-нибудь проходил мимо клетки — казалось, шаги звучат не только впереди, но и прямо за спиной. Данил знал, что сзади никого нет, но нет-нет вздрагивал, оборачивался. Конечно, там была глухая стенка.

— Чмутин Юрий Владимирович, — представился долговязый эксперт с холеной бородкой. Вместо галстука его воротничок связывала клетчатая твидовая бабочка.

— И работаете?..

— Чернодольский профессионально-технический университет, ЧерПТУ. Доцент кафедры релполита. То есть, простите — релятивистской политологии.

— Спасибо. Итак, объясните, пожалуйста, суду, может ли антигравитация влиять на устои государства.

Первые слова эксперт пробормотал не вполне внятно, но затем голос его окреп, и он продолжил уже отчетливо:

— Ваша честь... ммм... вы, я уверен, знаете, что постоянная тонкой структуры равна ста тридцати семи с сотыми долями. В настоящий момент даже не важно точное значение. Дело в том, что именно такое соотношение фундаментальных физических констант делает

возможным существование элементарных частиц, из которых состоит все: звезды, планеты, деревья и даже все мы с вами, включая уважаемый суд.

— И государство? — спросил прокурор.

— Гм, — доцент поправил очки в тонкой оправе. Секунду он молчал, как будто взвешивая слова. — В некотором роде. Разумеется. Ведь государство, в свою очередь, состоит из людей.

— Продолжайте, господин эксперт.

Губы доцента сжались: не то в знак согласия, не то неодобрения.

— Эта структура, уважаемый суд, не зря называется тонкой. Даже самое малое вмешательство в нее недопустимо. Абсолютно недопустимо. Разница в девятом знаке после запятой может привести к мгновенному коллапсу Вселенной.

— И государства? — еще раз уточнил обвинитель.

— И государства. Которое также является частью Вселенной. Что мы видим в данном случае, уважаемый суд? Гравитация, как известно, есть ни что иное как функция состояния материи. Вмешательство в гравитацию, известное также как антигравитация, которое мы и наблюдаем в данном деле — это искажение нашего пространства-времени, это, так сказать, колебание самих основ континуума. До каких знаков после запятой оно доходит? Признаюсь откровенно: специалисты нашего университета пока не могут дать ответ. Но со всей уверенностью можем заявить, что без последствий оно пройти не может.

Что это значит, черт возьми? Разве физика вызвала не адвокат Ракова, разве он не должен объяснить, чем этот случай уникальный?

Впрочем, судья быстро пояснила, что это значит:

— Есть еще вопросы? Пожалуйста, противная сторона. Нет? Хорошо. Что же. Я согласна с обвинением. Похоже, что это не простое правонарушение, не мелкое хулиганство, пусть даже на глазах детей. Дело действительно требует переквалификации по вновь открывшимся обстоятельствам. Прошу вас, сторона обвинения.

Снова поднялся прокурор. Даже глаза у него стали рыжими, как у кошки.

— Я изложу сухим языком юриспруденции, — он улыбнулся залу. — Это, несомненно, сознательные действия, направленные на подрыв государства. Посягательство на конституционный строй. Потенциальный шпионаж. Этого уже более чем достаточно, но и это еще не все! Нарушение правил воздушных полетов, в частности, использование нелегальных летательных аппаратов и отсутствие их подготовки к полету. Нарушение правил пользования воздушным пространством. Противозаконные акты в присутствии несовершеннолетних, можно сказать, публичные сцены насилия. Над природой.

— В протокол также заносим, — судья обернулась к секретарю, — что еще имеется коллективный иск от физиков ЧерПТУ об оскорблении профессиональной чести и достоинства. Но это отдельное дело.

На этот раз, увидев бутылку с водой, Данил не думал долго: схватил, открутил крышку и жадно присосался к горлышку.

Уже давно стемнело, сквозь высокие окна он хорошо видел дом напротив здания суда — кажется, Черспецстрой, но он не был уверен. В желтом сиянии за стеклами двигались туманные силуэты, как будто с бокалами: какой-то вернисаж, выставка, корпоратив? Спектакль теней, пантомима для непосвященных, которые не попали на праздник.

Порой ему казалось, что он бы снова улетел — если б не держали прутья клетки. Он мог бы провалиться... нет, вывалиться в другой мир, с бокалами и выставкой — кабы не чертов суд. Они зудели, напоминали о себе. Данил честно пытался следить за слушанием, но все они размазывались в нечеткое пятно: судья, опровержения, адвокат, документы, обвинитель...

Переквалификация дела — вот, что они сейчас обсуждают!

Надо сказать, Данил немного запутался в этом их проклятом сленге: «установленные обстоятельства», «без выводов об оценке доказательств», «установление объективной истины».

В целом он понимал, о чем речь, и от этого пробирал озноб. Еще страшнее — что всех нюансов он так до конца и не видел.

— Спасибо. У вас дополнения будут?

— Дополнений нет, — с места ответила адвокат.

— Стороны все высказались? Тогда переходим...

— У меня, у меня есть дополнение! — Данил встал и обеими руками взялся за прутья.

В зале настала тишина. Сырой прелый воздух как будто колебался от жара, как над раскаленной плитой.

Судья и адвокат обменялись быстрыми, понимающими взглядами.

— Пожалуйста.

Что тут можно сказать? По правде, слова застряли в глотке. Полторы сотни взглядов ощупывали, оценивали, ждали. Три десятка объективов нацелились на него, как дула танков.

— Уважаемый суд... — нет, надо не так. — Ваша честь... — и не так тоже. Данил на мгновение зажмурился. Все не то, он делает все не то! А, когда открыл глаза, он обратился к зрителям: — Да, в общем, все вы. Я даже не знаю, что вам сказать. Просто надеюсь, что вы меня услышите. Что произошло: полет, последующие события, да вообще все — это было не намеренно, я даже не знаю, как это повторить. У меня больше не получается, слышите? Я не могу больше летать! Даже если бы захотел — не могу.

А слышат ли? Журналисты, юристы, простые зрители? Парень переводил взгляд с одного лица на другое, но хоть убей не мог по ним ничего прочесть. Прокурор, например, просто-напросто уткнулся в планшет.

— Но это даже не важно! Главное — я никому не принес вреда, вы понимаете? Я никого не убил, не ограбил, не повредил ничью собственность. Произошло что-то... очень странное, я сам не знаю, что. Но главное — я никому не нанес вреда. Понимаете? Ничего по-настоящему плохого я не сделал. Я просто был не на земле, а в воздухе, девять минут сорок три секунды, как сказано в материалах дела. Пожалуйста, помните об этом!

Что еще сказать, что добавить? Данилу и это казалось очевидным. Но молчание затянулось, и он счел необходимым прервать его:

— Не знаю, друзья. Я не знаю, как я оказался в воздухе. Но если мне это удалось, разве не стоит меня исследовать, а не судить?

Было очень тихо. А за окнами шумел дождь.

— Дополнения еще будут? — как ни в чем не бывало, спросила судья. Данил постоял, постоял, взглядываясь в лица, и опустил на скамью.

Дополнений больше не нашлось.

Что-то изменилось. Конечно, никакой близости, товарищества с сокамерниками не было и прежде, но раньше Миша мог стрельнуть или наоборот предложить сигарету. Или даже Игорек спрашивал что-нибудь глупое, но важное: «Ну що, яки погоды були там на воли?»

Все это кончилось. Теперь Данил круглыми сутками валялся на койке и пялился в потолок, с ним больше никто не заговаривал и, кажется, его обходили стороной.

Десять лет. Десять чертовых лет!..

Миша молился, по утрам, три раза перед едой и на ночь — парню чудилось, будто он слышит: Царства Божьего не наследуют, не наследуют, не наследуют. Игорек как будто перешел на новую ступень, от презрения к омерзению. Так продолжалось два месяца — и месяцы эти длились вечность.

Георгия или Григория выперли. Осудили Игорька. Просто увели на заседание, с которого тот уже не вернулся. «Двушка это, двушка, попомни мои слова, — весь вечер причитал Миша и качал головой: — Жалко парня, ох жалко-то!» — но длилось это ровно один вечер, и уже на следующее утро он украинца не вспоминал.

На их место приходили и уходили Виталик, «Иван Евгеньевич, очень приятно», большой и лопоухий Андрей — в конце концов, Данил перестал их считать.

Только «просто Миша» оставался как... как константа. Он ничего не рассказывал о своих делах, но парень все видел сам: как долго тянется следствие, как частит к мужичку адвокат, буквально раз в два-три дня.

— Ну как, чего, уже больше не летается? — участливо спрашивал Миша.

— Не летается, — в первый раз ответил Данил.

Во второй раз он просто промолчал.

В третий выдавил — «Пошел ты!»

Каждую неделю Мише с воли передавали стопки новых журналов с судоку.

В одном из них парень и нашел ту белиберду: на обложке распластался в полете черно-белый кот, словно пытаясь поймать передними лапами надпись «Первый кот страны». И мелкий шрифт во врезке: «Полет над Ново-Огарево. Ксеркс, «перс» президента, летал над крышами резиденции в погоне за голубем. Уникальные кадры с камер Федеральной службы охраны!» Если хорошенько прищуриться, Данил мог даже сквозь обложку разглядеть судоку, кроссворды и ровные столбики анекдотов.

Срать!..

Может, он даже сказал это вслух. Дизайнер, доказывавший, что на вписке были незнакомцы, и он понятия не имеет, кто притащил травку — посмотрел на Данила почти испуганно. Парень отбросил журнал.

В суд вызвали на следующее утро.

Когда Данила ввели, в лицо его пахнуло холодом. Сквозь окна струился голубоватый утренний свет. Ну и еще, конечно — шуму на этот раз было впятеро больше прежнего. Мест всем не хватило: люди стояли в проходах, висели вдоль стен зала, то и дело воздух прорезали вспышки камер и телефонов — словно ручные молнии.

Но это не страшно. Не это.

Данил и прежде опасался за свой рассудок, но теперь... Люди действительно висели вдоль стен. Словно наросты. Гроздья. Они глядели на него отовсюду, сверху, с боков, из-под потолка, кругом мерцали дула-объективы.

Когда прокурор и адвокат вплыли в комнату, по спине его пробежал холодок. Когда судья вошла обычным образом, словно простой человек, но перед креслом подпрыгнула и опустилась медленно, как плохо надутый воздушный шарик — кости Данила обратились в воду.

— Присаживайтесь. И занимайте свои места, пожалуйста.

Вот, что сказала Королькова А. А.

Присаживайтесь и занимайте свои места.

Данил заметил, что портрет президента уже другой: не на фоне триколора — нет, перлицо задумчиво парил в туманной дымке над Москвой, за его спиной и внизу виднелись башни Кремля, купола и небоскребы.

— Заседание по делу Болотова Даниила Александровича объявляется открытым. Всем подняться.

Присутствующие синхронно поднялись на полметра и опустили. Точно прибор.

Данил стоял молча, вцепившись в прутья клетки. Решетка холодила ладони.

— Ну че стоишь? — охранник пихнул прутья, словно это могло достать самого парня.

Деревянный стук.

— Оглашается определение от третьего сентября две тысячи двадцать восьмого года, — судья лишь на мгновение прикусила губу, но вскоре продолжила: — Ужайский районный суд города Черноголовки в составе судьи Корольковой А. А., постановляет: признать Болотова Даниила Александровича виновным в нарушении законов природы, а именно — демонстративном публичном игнорировании антигравитации, посягающем на физику пространства-времени, каковое деяние согласно экспертным заключениям является государственной изменой и согласно статье двести семьдесят пятой уголовного кодекса карается лишением свободы на срок в десять лет с принудительным обучением левитации.

Судья Королькова нахмурилась. Встала, оперлась тяжелыми руками о стол, а потом — подпрыгнула.

И следом за нею это сделал весь зал.

Данил просто смотрел, как колышется черная мантия.

А потом ему стало по-настоящему холодно.

*Другие произведения автора, а также его статьи
и дополнительные материалы о мире Анхар
вы найдете на сайте:*

Vsevolod-Alferov.ru